

Иванов Г. Неисчерпаемый источник // Рига Балсс. 1960. 3 февраля. № 28.
С. 5–6.



НЕИСЧЕРПАЕМЫЙ ИСТОЧНИК

Мы еще долго будем под впечатлением недавних чеховских дней, когда в честь юбилейной даты были щедро раскрыты перед народами всей земли сокровища немеркнувшего наследства великого русского писателя.

Рижский театр русской драмы в день юбилея выступил с премьерой «Вишневого сада» — последней пьесы А. П. Чехова, его лебединой песни, в которой гений страстным взором заглянул в будущее. В ней прозвучал зов окрыленной души: «Здравствуй, новая жизнь!»

Теперь, кажется, уже трудно встретить культурного человека, незнакомого с «Вишневым садом». Но недаром говорят, что Чехов неисчерпаем. Мы открываем в его произведениях все новые богатства чувств и мыслей.

Новая постановка «Вишневого сада» на рижской сцене радует и убеждает в больших творческих возможностях нашего

театра. Хочется, чтобы больше людей побывало на этом богатом красками спектакле, полном юмора и грусти, протеста и мечты. Чеховская пьеса, созданная более полувека назад, и сегодня многому учит нас, высмеивая пошлость, изобличая никчемность лишенных идеалов людей и эгоизм собственников, пробуждая высокие стремления и активное отношение к жизни.

Заслуга коллектива рижского театра и постановщика «Вишневого сада» народного артиста Казахской ССР, заслуженного деятеля искусств УССР М. И. Гольдבלата в том, что глубокое очарование чеховской пьесы сразу, как только раскрывается занавес, охватывает зрителя и не покидает до конца представления. Этому способствуют и тихая музыка, и превосходная работа художника заслуженного деятеля искусств М. А. Аболлина, сумевшего придать всему оформлению спектакля глубоко лиричный, теплый, светлый

колорит, утверждающий торжество прекрасного.

Великолепен вишневый сад, озаренный утренним солнцем. И хотя среди обитателей этого имени лишь тупой наглец Яша доволен собой и жизнью да и тот презрев свою родину и «необразованный» народ, тоскует по загранице, а жизнь других сопровождается бесконечными стенаниями: «Если бы снять с груди и с плеч моих тяжелый камень...», «Не могу понять направления, чего мне, собственно, хочется, жить мне или застрелиться...», «Одна... И кто я, зачем я, неизвестно...», «Всего боюсь...», «Жизнь у нас дурацкая...». И изумительный вишневый сад, мы уже знаем, обречен, над ним занесен топор. Но ведь это рушится, еще уродуя живое, старый мир. А юный голос убежденно и радостно восклицает: «Мы насадим новый сад, роскошнее этого!»





Были, да и есть еще, истолкователи Чехова, представляющие «Вишневый сад» как элегию, полную тоски по прошлому. Советский театр раскрыл в этой пьесе совсем иное: беспощадное осуждение всего, что мешает человеку быть счастливым и сильным, и призыв к новой, большой и светлой жизни. Этой трактовке верен и рижский театр. Исполнители основных ролей в этом спектакле тонко и прочувствованно показывали своеобразие чеховских персонажей, проникли в их внутренний мир, в богатый подтекст сентенций и реплик.

Это следует сказать прежде всего о народной артистке ЛССР Е. О. Бунчук. С присущим ей мастерством она раскрыла всю многогранность образа помещицы Раневской и сделала истинно чеховскую мысль: лишь осуждения достойны даже «лучшие» представители уходящего класса, паразитизм и мерзость паразитического существования. Раневская мила, добра, безвредна, отзывчива, готова отдать последнюю монету первому встречному? Да. Но ведь эта ее «добродетель» — обыкновенная безалаберность и бездумность, и щедря она лишь за счет других, а в сущности глубоко эгоистична. Е. О. Бунчук тонко раскрывает легковесность «трагедийных» переживаний Раневской. Зритель чувствует, что несерьезны ее покаяния и скорбные речи, проживает она и без вишневых садов, и без родины.

Запоминается Гаев в исполнении народного артиста ЛССР Н. С. Барабанова. Он остроумно показал под внешне благородным обликом добряка капиталистического и жалкого, ни к чему в жизни не способного фанфармана. Колоритны и интересны сыгранные им эпизодические персонажи: Биколов (В. В. Боголюбов), сыгравший лакея Яша (И. Н. Долгов), суетливый «счетовод» Самойлов-Пинчук (заслуженный артист ЛССР Г. П. Тимофеев), Фирс (В. Г. Яковлев), Шарлотта Ивановна (заслуженная артистка ЛССР А. С. Александрова), Душина (Л. И. Голубева). Все они рисуют унизительную пошлость убогого, ничтожного, бессмысленного существования и как бы говорят нам: «Цените же ваше новое время, новую жизнь, полную великого смысла; любите свое призвание, свое дело, ибо счастье — только в деятельной, плодотворной жизни».

О такой жизни мечтает студент Петья Трофимов (А. В. Гай). Жаждой деятельности отмечен и купец Лопухин (А. А. Михайлов), но не в его хищнической деятельности видит Чехов путь к обновлению земли. Преуспевающий Лопухин не тает своего беспокойства, раздваивается, ало высмеивает себя и слезно молит: «Скорее бы изменился как-нибудь наш нескладный, несчастливый мир».

О ролях Трофимова и Лопухина следует сказать особо, они ведь чрезвычайно важны в этой пьесе.

Если подходить с обычной меркой, то можно сказать, что А. В. Гай сыграл роль Трофимова выразительно, темпераментно, в общем удачно. Но исчерпал ли актер богатейшие возможности, которые таит эта самая счастливая в пьесе роль, — счастливая потому, что ее исполнитель как бы перебрывает мост от чеховских времен к нашим и грядущим дням, выказывает мысли, глубоко волнующие нас сегодня. Он зовет всех к труду на общее благо и мечтает о времени, когда все будут работать по три часа в день, он верит, что человечество идет «к высшей правде, к высшему счастью, какое только возможно на земле».

Нельзя не похвалить А. В. Гаю послужбу, проделанную в эмоциональном мире монологов Трофимова и не скороговоркой, не в ораторской манере, а с большой душевностью донести до зрителя каждое слово. Отметим сразу, что актер стремится к этому. Мы видели его в двух спектаклях. После первой встречи со зрителем он, видимо, учел настроение зала и на следующем представлении играл уже ярче, проникновеннее.

То же можно сказать и о Лопухине — Михайлове. Он исполнил в исполнении своей сложной роли немало мастерства и душевного огня, но еще не вполне удалось ему создать сбитый образ, четкий характер. Причем и он сделал шаг вперед уже на втором спектакле — убедительнее показал переходы в настроение героя.

Театр должен продолжать работу над спектаклем, помнить о неисчерпаемых тайниках чеховской драматургии. Один из видных деятелей театра пожелал актерам, ставящим «Вишневый сад», каждый спектакль считать лишь генеральной репетицией и неустанно искать у Чехова новую пищу для своего таланта, настойчиво постигать глубины созданного великим художником мира тончайших чувств, сильных страстей, больших идей.

Г. Иванов

